

Мейхош АБДУЛЛА

(Окончание. Начало в №2)

Наших загрузили в машины. Мы тоже хотели поехать с ними, чтобы не отрываться от своих. Мы не хотели оставаться на морозе и замерзнуть.

Когда мы хотели сесть в машину, армянин шепнул нам:

- Куда съезьте? Не знаете, куда их везут? И, не дожидаясь ответа, продолжил:

- Их раздают по казармам, где служат солдаты.

Услышав это, мы отошли на несколько шагов назад.

Двоих наших солдат они так и не смогли загрузить в машину. Они так замерзли, что не было сил шагать. Армянский офицер взял пистолет и застрелил одного из них. Пленный упал лицом в снег. А другому пленному надели веревку на шею и привязали к машине. Когда машина двинулась, он повалился на пол, как дерево, выдернутое с корнем, и тащился за машиной, пока она не скрылась.

Остальные два армянина собрали разбросанную по сторонам одежду и велели нам сесть на этой груде одежды, а сами открыли сумки, которые были у них на плечах, и достали оттуда колбасу, консервные банки, вареные яйца, две бутылки водки и положили перед собой.

Хотя мы и были голодны с вечера, до их продуктов так и не дотронулись. Разве в такое время было до еды? А они ели как голодные волки. Они увидели, что мы сидим тихо, и один из них сказал:

- Ешьте, ешьте, что вы церемонитесь? Вы же голодны как собаки.

Затем один из них налил в стакан водку, протянул нам и сказал:

- Возьмите, выпейте. Вижу, что замерзли и умираете от холода. Пусть станет теплее.

Ни сестра, ни я не дотронулись до стакана с водкой. Мы покачали головой и тем самым постарались им объяснить, что мы не пьем.

Но они не отставали. Один из них схватил сестру за горло, засунул пальцы ей в рот и заставил открыть рот. Как только она открыла рот, он налил целый стакан водки ей в горло. Бедной девочке было так плохо, что ее затосило и, ослабев, она легла на снег. Потом они взяли за меня. Я попросила их не трогать нас. "Мы в течение этих двух дней потеряли и мать, и отца," - сказала я им.

Они были пьяны и им не было никакого дела до моих слов. Они даже слышать нас не хотели.

- Это же прекрасно, что ваши родители умерли! - говорили они, гуло смеясь.

- Надо бы по этому поводу выпить, - сказал один из них и проделал со мной то же самое, что с сестрой. Он налил полный стакан водки мне в рот.

Каждую из нас таким образом два раза напоили. Мы впервые пробовали водку. Они были очень пьяны и выли как волки. Я предчувствовала, что они с нами будут обращаться очень плохо. Поэто-

му, пока они не совсем выжили из ума, я их умоляла отпустить нас. А армяне, моргая друг другу, издевались над нами.

- Ну что, Сурен джан? Отпустим их, пусть уходят, жалко же их? - говорил один из них.

А другой, кривя лицом, тоже издевался над нами:

- Да, Мартирос джан, правильно говорят девочки. Давай отпустим их, пусть уходят. Пусть пойдут везде расскажут, что они выпили с двумя смельчаками армянами, но, оказывается, ни один из них не был мужчиной, чтобы покаяфовать с ними.

Армянин по имени Сурен тоже подтвердил его слова:

- Ты прав, дорогой, я как-то об этом не подумал.

Мы очень сильно волновались и не знали как себя вести. Единственное, что я знала, что ждать от этих подонков чего-то хорошего было бы глупо. И еще я знала, что мы не сможем спастись от них. Они обязательно понизедаются над нами и убьют. "Если итогом всего этого является смерть, то почему мы лоджны умереть недостоинно?" - подумала я.

Я очень беспокоилась за сестру. Она скорее всего не думала так, как я. Она просто очень боялась. Когда человек знает, что ему осталось жить всего две минуты, он все равно не теряет надежду и думает, что может быть выживет. Но я уже все решила. Чем делать то, что предлагали армяне, мы предпочли бы умереть. Тогда и души наших родителей были бы

тащить за собой. Сестра бежала впереди, а я за ней. От водки, которой нас напоили армяне, сильно кружилась голова. Я кажется была по-настоящему пьяна. У сестры положение было хуже, чем у меня. Бедная девочка почти ползла по снегу.

Армяне, которые не ожидали от нас такого, были растеряны. Сначала, не понимая, что происходит, они озирались по сторонам. Потом, придя в себя, пустились за нами. Они бежали за нами как рыскавшие собаки. Хотя мы немного отделились, но думать о том, что мы спаслись, было рано. Мы были так перепуганы, что ни о чем другом и подумать не могли. Мы думали только о том, как убежать и спасти свою жизнь. Сестра очень устала. Несмотря на свое ужасное состояние, я взяла ее за руку и помогала бежать. Я молилась Аллаху, чтобы с ней ничего не случилось.

У нее буквально сердце разрывалось. - Не бойся, сестра, не бойся. Мы уже достаточно отделились от них. Если мы еще немного побегим, они нас не догонят, - говорила я, чтобы хоть как-то успокоить ее.

Она молча посмотрела на меня. Я впервые в своей жизни видела такие наполненные страхом и ужасом глаза.

Нам удалось, хоть и не на много, но отдалиться от армян. Я видела, как они, утопая в снегу, бежали за нами. У одного из них, кажется, был автомат. "Сволочь! Успел взять оружие!" - выругалась я.

Когда внезапно пуля просвистела мимо наших ушей, мы поняли, что нахо-

стались все хуже и хуже. В 5-6 метрах левее от нас тянулись скалы. Мы как раз бежали параллельно этим скалам. Из-за того, что я была ранена, и из-за того, что это не могло продолжаться долго, я подумала, что нам надо броситься с этой скалы. Все равно у нас другого выхода не было. Или они нас застрелили бы или же мы устали и попали бы к ним в руки. "Самое лучшее - броситься отсюда вниз. Если останемся живыми - хорошо, а если умрем - еще лучше", - подумала я. Нельзя было терять время, потому что в любой момент мы могли упасть под какую-нибудь из свистящих рядом пуль. Поэтому я потянула сестру за руку и сказала:

- Закрой глаза. Мы бросаемся отсюда.

Сестра и так была не в себе, поэтому я тащила ее за собой как кусок мяса.

С вершины скалы ее основания не было видно. Мы закрыли глаза и прыгнули. Казалось, что мы летим по воздуху. Эта пропасть оказалась глубже, чем я думала.

Свалившись на кусты, я кувьркунулась и обрадовалась, что осталась жива. Я открыла глаза и осмотрелась. Мы оказались в густом кустарнике. Я не верила в то, что осталась жива. Я посмотрела по сторонам в поисках сестры. Она лежала на спине недалеко от меня. Я подползла к ней и, увидев кровь у ее рта, закричала. Сестра ударилась о большой камень на земле, и он расскел ей голову. Я обняла ее и прижала к груди. Она не дышала. Как больно было мне терять в течение двух дней дорогих и родных мне людей! Я ста-

НЕОБЫЧНАЯ СКУЛЬПТУРА...

Поруганный Ходжалы. Художник Асиф Азерелли

Светлой памяти шехидов, павших во время трагедии в Ходжалы, посвящается

ла бесчувственной от такого горя. Я уже не боялась смерти. Если бы я так же, как и сестра, разбилась о камень, то это стало бы для меня самым хорошим подарком. Я боялась только одного - попасть к врагам и быть униженной. Пока я не угодила под какую-то шальную пулю, этот страх преследовал меня.

Сверху были слышны голоса. Я приподняла голову, но из-за густоты кустов ничего не было видно. Левое плечо меня очень беспокоило. Я вытаскала из кармана пальто платок и приложила к ране. Рана не была глубокой, но, кажется, была задета кость плеча.

Я попыталась отыскать в кармане пальто сестры что-то как память о ней. В кармане у нее оказались наши ключи от дома. Я взяла ключи и, немного повертев в руке, положила их в карман. В боковом кармане пальто сестры было что-то аккуратно завернутое в бумагу. Я открыла и посмотрела. Это была фотография нашего соседа Эльмана. Они вместе учились. В прошлом году вражеский снайпер убил его выстрелом прямо в сердце. На обороте фотографии был написан столбик стиха, написанный Эльманом.

Я подержала фотографию немного в руках. Пронизывающий взгляд Эльмана был нацелен прямо в мои глаза. Я даже перепугалась. Я тихо положила фотографию на груду сестры.

Надо было уходить отсюда, потому что сверху иногда раздавались выстрелы.

спокойны. "Приди же к одному решению, Нурида, пока не поздно!" - думала я про себя.

Армяне стали раздеваться прямо на равнине. По их мимике можно было догадаться, что они даже нас распределили между собой. Из-за того, что они еле стояли на ногах, иногда теряли равновесие и падали на снег.

Я посмотрела на сестру. Она была очень напугана и смотрела на меня безумными глазами. Я нагнулась к ней и шепнула:

- Сабина, вставай! Бежим!

Сестра как будто ждала этих слов. Она быстро вскочила на ноги и, не дожидаясь меня, побежала. Я тоже побежала. Чтобы армяне не смогли стрелять в нас, я потащила за собой автоматы, валяющиеся на груде одежды. Скоро я поняла, что с такой тяжестью мы далеко не убежим. Автоматы были очень тяжелыми и мешали нам бежать. Поэтому один из них я откинула в сторону, а другой продолжала

двигаться лицом к лицу со смертью. Когда свист пули послышался во второй раз, мне показалось, что кто-то ущипнул меня за плечо. Кусок от моего пальто оторвался и упал на снег. Я поняла, что пуля задела меня и я ранена.

Чтобы не показать это сестре, я даже не пикнула. Когда через некоторое время я почувствовала, как что-то теплое течет у меня подмышкой, я поняла серьезность моей раны.

Еще со средней школы из уроков военной подготовки я немного умела обращаться с оружием. Однажды даже научили стрелять из автомата. Поэтому я взяла автомат, нацелилась на армян и нажала на курок. Пули рассыпались вокруг. От того, что я и так еле стояла на ногах, я стреляла куда попало. Армянин, который шел впереди, дико заорал и тут же свалился лицом вниз на снег. Пули в автомате закончились и поэтому нечего было его грузить на себя. Я беспокоилась о том, что не смогу далеко убежать. Мне

Пули ударились далеко от меня, о другую сторону скалы и их звук эхом отдавался вокруг.

Я обняла ледяное тело сестры, прижала к груди и много раз поцеловала ее еще детское личико. В эти минуты она мне казалась еще ближе, еще роднее. Подумав о том, что я ее покидаю навсегда, я горько заплакала.

Я не могла задерживаться. Я приподняла воротник пальто сестры, прикрыла ее лицо и удалилась оттуда. Пройдя через кусты, я спустилась прямо к подножию скалы и залезла в текущую там воду. Вода здесь была выше пояса. Я собрала все силы и начала идти по воде вниз к оврагу. Вдруг сзади послышался грохот. Когда после этого грохота я увидела падающие на меня осколки камней, я поняла, что армянин, идущий за нами, бросает в то место, где мы были, гранату.

Несмотря на то, что я шла по ледяной воде, холода я не чувствовала. Хотя и было ужасным то, что сделали армяне, насильно влив мне в горло водку, сейчас я ощутила пользу от этого. Я шла не останавливаясь и прошла довольно много. Я проходила через такие места, хотя в обычное время это было бы невозможным. Камни, непроходимые кусты раскромсали всю мою одежду. Иногда я попадала в такие глубокие места, что ледяная вода доходила прямо до горла. Все мое тело находилось в ледяной воде. Но я была рада, что убегала от смерти. Я радовалась, что от целой семьи хоть кто-то остался жив.

Я дошла до такого места, откуда уже нельзя было идти дальше. Впереди была широкая река. Перешить такую реку я не могла. Выйти в сторону было опасно я могла столкнуться с проблемой. Поэтому надо было немного потерпеть и подождать. Я ждала около двух часов и дождалась темноты, чтобы выйти отсюда. Все мое тело замерзло. Ноги были совершенно бездейственны. Снег не переставал идти. Как только стемнело, здесь стало очень темно из-за того, что это был овраг. Я доползла до берега реки.

Я не знала, где нахожусь. Издалека виднелся слабый свет. Я лежала лицом вниз на снегу и хотела встать на ноги, но не могла. Не было сил. Мне хотелось спать... После двухдневных мучений мне так хотелось спать... Я больше ничего не боялась. Я знала, что если усну, то замрзну и умру... Но мне очень хотелось выспаться перед смертью...

Когда я открыла глаза, увидела себя на кровати, а над моей головой врача в белом халате, и вздрогнула. Я старалась вспомнить, где я и как я сюда попала. "Может быть, я попала в плен", - подумала я и стала озираться по сторонам как сумасшедшая.

Врач, поняв мое беспокойство, спокойно сказал:

- Успокойся, дочка, вам нельзя двигаться. Этот голос мне показался очень родным, словно материнская колыбельная. Сердце так дрожало. Я не выдержала и заплакала.

Врач постарался меня успокоить:

- Возьми себя в руки. Хорошо, что ты наткнулась на своих, а то...

После того как я услышала эти слова, я немного успокоилась. Руки у меня были на месте. Я чувствовала жжение в коленях и протянула руки к ногам. Обех ног ниже колена не было... Я посмотрела врачу в глаза. Он ожидал, что я начну кричать и ругаться и проклинать его. Я молчала.

Врач увидел, как я тихо-спокойно и молча смотрю на него, немного осмелел.

- Дочка, у нас другого выхода не было. Слишком поздно. Еще немного и мы тебя бы потеряли. Я тоже очень сожалею, что не смог спасти твои ноги. Будь терпеливее. Это война. Это с каждым может случиться. Что теперь делать? Мы

должны как-то терпеть... - сказал он и нежно погладил мою руку.

Я хорошо понимала врача. Он хотел сказать, что благодари Аллаха, что осталась живой. И он был прав.

Мы оба молчали. Потом я посмотрела ему в глаза и сказала:

- Доктор, а где мои ноги? Прошу вас, если можно, пусть их принесут.

Врач удивился и посмотрел на меня, выпучив глаза:

- О чем ты говоришь? Какие ноги? Это же невозможно! И потом, зачем они тебе, эти ноги?

А я спокойно повторила:

- Прошу вас, скажите, чтобы принесли мои ноги.

- Это может на тебя очень плохо подействовать. Ты с ума сойдешь, дочка. Я впервые слышу это от своего больного. Нет, нет, это невозможно. Успокойтесь, все пройдет, - говорил врач, почти умоляя меня.

- Чего мне бояться? - сказала я, - все то, чего я боялась, осталось позади. Я не испугалась, когда сотни невинных людей были расстреляны перед моими глазами. Душераздирающая трагедия, случившаяся с моими отцом, матерью и младшей сестрой, произошла перед моими глазами. Я тоже не испугалась. Я, как одинокий волк, всю ночь блуждала по скалам и оврагам, и тоже не испугалась. Теперь вы говорите, что при виде двух безжизненных ног, я испугаюсь? Не беспокойтесь за меня. Я в течение этих двух дней пережила то, что может человек пережить за несколько лет. Прошу вас, пусть принесут мои ноги. Я хочу их видеть. Не беспокойтесь, я не испугаюсь, - сказала я.

Врач молча смотрел на меня и чувствовалось, что он расстроился. Он спокойно вышел из палаты и через некоторое время зашел с двумя завернутыми в белый материал ногами. Он положил их мне между рук и отошел.

Я с трудом приподнялась в постели, приоткрыла покрытые белым материалом ноги. Обескровленные ноги напоминали необычную скульптуру, выполненную умелым скульптором. Они были холодные как лед. Я обняла их и поцеловала. А потом, не отрывая взгляд от них, сказала врачу:

- Доктор, эти ноги оберегали мою честь и достоинство, они помогли мне выжить, чтобы души моих родителей и сестры покоились с миром.

Я в долгу перед ними за все это. Я в долгу перед ними, потому что я единственная из всей погибшей семьи могу сохранить тепло очага дома, у которого могут обрести покой блуждающие души моих близких. Может быть, после всего этого я никому не буду нужна, но я рада, что в праздничные дни, чтобы помянуть своих близких, я буду способна хотя бы зажечь свечку. Эти ноги пожертвовали собой не только ради меня, но и ради части одной семьи и даже народа. Поэтому я им признательна и в долгу перед ними.

А теперь, прошу вас, похороните их в таком месте, чтобы я могла посещать их время от времени.

Врач закрыл прослезившиеся глаза, тихо подошел ко мне и взял у меня ноги.

Как будто у нас обоих с плеч упал тяжелый груз...

После того как врач ушел, я приподняла занавес на окне и посмотрела на улицу. На улице хлопьями шел снег. Крутом все было покрыто белым снегом. Крыши домов, камни, все было белым-бело. Казалось, что черного цвета вообще не существовало на свете... Кроме всего того, что накопилось в моем сердце...